

Ресурсный голод нам не грозит

Поэтому в ЕС идут две трубы

http://www.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10304874@SV_Articles

Галина НАЗАРОВА (“С.-Петербургские ведомости”)

Профессиональная биография нашего сегодняшнего собеседника впечатляет. Экономист-энергетик по образованию, он занимается вопросами мировой энергетики с конца 1970-х годов. В начале 1990-х годов он был заместителем министра топлива и энергетики России по внешнеэкономическим связям и иностранным инвестициям. В 2000-х – заместителем генерального секретаря многосторонней международной организации – секретариата Энергетической хартии в Брюсселе. О настоящем и будущем «Северного» и «Южного потока» и о других новостях в мире газа нашему изданию рассказал профессор Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва) советник советник генерального директора компании «Газпром экспорт» Андрей КОНОПЛЯНИК.

– Андрей Александрович, в последнее время Евросоюз ужесточил условия поставок российского газа... Учитываются ли эти обстоятельства при строительстве экспортных трубопроводов?

– Конечно, учитываются. Чтобы снизить риски при транспортировке через сопредельные страны и получить возможность маневра экспортными потоками, теперь на каждый из значимых для экспорта российского газа сегментов рынка ЕС – в Северо-Западную и

Южную Европу — проложены как минимум две трубы. Речь идет о построенном «Северном» и строящемся «Южном» потоках. Чем выше риски возможного повторения событий 2006 и 2009 годов, когда Украина несанкционированно забирала экспортный газ, тем более экономически обоснованным становится дорогостоящее возведение обходных трубопроводных систем.

– Почему надо было строить новые газопроводы?

– Начнем с истории. В советские времена одна труба под жестким контролем единого государственного поставщика перегоняла в европейские страны газ, добываемый государственным же предприятием в Сибири. В пунктах сдачи-приемки газа, расположенных на границе между Восточной и Западной Европой, топливо продавалось крупным европейским оптовикам. Дальше они по собственным трубопроводам поставляли российский газ конечным европейским потребителям.

Такая модель выжила и после распада Советского Союза и системы СЭВ, когда контроль над системой трубопроводов за пределами территории России до пунктов сдачи-приемки перешел к государствам-транзитерам. При этом обязательства поставить западным потребителям определенные объемы газа в оговоренные контрактами сроки остались за «Газпромом». Взаимоотношения поставщика со странами-транзитерами выходили за рамки договоров.

Но уже в 2000-е годы такая система начала давать сбой. Вспомним хотя бы российско-украинские газовые кризисы. А в 2009 году мы и вовсе проснулись в новом энергетическом мире Европы. В результате глобального кризиса в ЕС снизился спрос на газ, а предложение этого топлива, наоборот, увеличилось. В результате «сланцевой революции» в США резко возросла внутренняя добыча газа, сократился импорт этого вида топлива. Предназначенные для американского рынка запасы сжиженного природного газа (СПГ) из Катара были переориентированы на Европу. В итоге в ЕС сложился избыток топлива.

В это же время в Евросоюзе вступил в силу Третий энергетический пакет – это законодательство, вводящее конкурентные принципы работы газового рынка. А два российско-украинских энергетических кризиса подорвали накопленную за 40 лет веру европейцев в надежность российских газовых поставок. От России в таких условиях требовалось создать условия бесперебойной поставки топлива в Западную Европу. Из набора возможных вариантов Газпром выбрал строительство обходных газопроводов.

– Какие проблемы для России создал Третий энергопакет Евросоюза?

– Три последовательно принимаемых энергетических пакета ЕС (первый – 1998 год, второй – 2003 год, третий – 2009 год) обеспечивали постепенный переход от централизованного к либеральному и конкурентному газовому рынку. До этого основными участниками рынка были вертикально интегрированные корпорации. Они строили принадлежавшие затем им газопроводы, которые заполняли газом. Его либо сами добывали, либо закупали, в том числе у СССР и России. Затем, когда в ЕС сформировалась диверсифицированная газовая инфраструктура, началась постепенная корректировка правил игры на рынке, чтобы привлечь большее количество компаний.

Новая архитектура газового рынка ЕС стала расходиться с контрактной структурой газовых поставок в Западную Европу, которая сложилась в самой газовой отрасли с начала 1960-х годов. Третий энергопакет создал дополнительные риски для продолжения поставок по старой модели. Но он же открыл и возможность выхода российских поставщиков газа к конечным европейским потребителям, минуя крупных оптовых его покупателей-перепродавцов.

– В декабре 2013 года Еврокомиссия заявила, что соглашения между «Газпромом» и странами ЕС о строительстве газопровода «Южный поток» не соответствуют европейскому законодательству и требуют доработки. Почему эта проблема возникла только сейчас, когда строительство газопровода идет «на всех парах»?

– Еврокомиссия давно заявляла о неприемлемости юридического обоснования строительства «Южного потока». Позиция России: мы можем возводить и эксплуатировать этот газопровод на базе двусторонних межгосударственных соглашений со странами, по территории которых он пройдет. Позиция Евросоюза сводится к тому, что Россия еще в 2003 году, когда был принят Второй энергопакет, знала об изменениях правил игры и понимала, что подобные действия войдут в конфликт с европейским законодательством. На мой взгляд, заявление Еврокомиссии 4 декабря 2013 года было сделано в максимально жесткой, прямолинейной и недвусмысленной форме, поэтому и получило наибольшую огласку.

Но это вовсе не означает, что консенсус в отношении «Южного потока» не будет найден. Помимо вышеизложенного сценария (по которому стороны «скрестили копыя») существуют еще как минимум три варианта формирования законодательно-правовой среды для реализации проекта «Южный поток». Этому будет способствовать, например, подписание инфраструктурного соглашения Россия – ЕС, вариант которого был подготовлен российской стороной еще в 2011 году и передан в Евросоюз. Но мне сложно представить, как такое соглашение может быть проведено через государственные и межгосударственные институты стран ЕС в установленном порядке, поскольку его положения отклоняются от норм европейского законодательства. Это будет длительный путь.

– На каких принципах надо строить работу экспортных газопроводов, чтобы удовлетворить запросы Еврокомиссии?

– По правилам Третьего энергопакета, при строительстве трубопровода, оператором которого являются взаимосвязанные с «Газпромом» компании, необходимо зарезервировать 50% мощности для других поставщиков газа. Но таковых в России сегодня нет, поскольку весь газ на входе в трубу – газпромовский. В итоге «Северный поток» мы можем использовать лишь частично. Чтобы избежать аналогичной ситуации с «Южным потоком», России и ЕС придется найти взаимопонимание по ключевым юридическим вопросам.

– Как развивается экспорт российского газа в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)?

– Мне представляется, что в странах АТР у Газпрома как монопольного российского экспортера трубопроводного газа формируется схожий с европейским подход: иметь альтернативу. Только в Европе альтернатива – создание Газпромом «вторых» трубопроводов – проводится для минимизации транзитных рисков в поставках по трубе, а в азиатских странах (создание Газпромом поставок СПГ как альтернативы трубопроводным поставкам) – для получения более высокой цены на газ. Сейчас на рынок сжиженного природного газа кроме «Газпрома» выходят не зависящие от него компании – «Роснефть» и «Новатэк». Они – прямые конкуренты Газпрома на рынке СПГ в АТР. Но рынок АТР – растущий и очень емкий, а цены на СПГ в АТР – самые высокие среди всех газовых цен в мире. Поэтому строительство Газпромом собственного завода СПГ во Владивостоке позволит компании найти лучшее ценовое решение в поставках топлива в Китай также и по трубопроводу, ибо можно будет выбирать между трубопроводом и СПГ.

– Уровень газификации российских регионов сегодня – менее 65%. Почему же на первом месте для нас стоит экспорт, а не обеспечение газом собственных граждан?

– Потому что у нас разные цены на газ на внутреннем и внешнем рынках: за границу мы продаем дороже. Треть нашего газа мы поставляем на экспорт, а получаем от этого две трети выручки. Цены внутри России регулируются, потому что газ является социально значимым продуктом. Российское государство как собственник (основной акционер) газового монополиста имеет право решать, каким образом перераспределять ресурсную ренту. Один вариант – поднять цену, но это вызовет массовый протест населения, ведь средний доход у нас пока невысокий. Поэтому государство выбрало второй вариант – экспорт газа по более высоким ценам и удержание цены на внутреннем рынке.

Почему у нас такой низкий уровень газификации? Да у нас страна большая, и население разбросано по всей ее территории. Поэтому газификация – это дорогое удовольствие, более дорогое, чем в густонаселенной Западной Европе.

– В конце ноября 2013 года компания Shell заявила о положительных результатах бурения своей первой скважины для добычи сланцевого газа в Харьковской области Украины. Как вы думаете, долго ли продлится увлечение «сланцевой историей»?

– Бурение одной скважины еще ни о чем не говорит. На Украине – да и нигде более в мире – не может по определению повториться американская «сланцевая революция». Иные масштабы, помноженные на высокие темпы наращивания добычи сланцевого газа в США определяются отсутствующей в иных странах совокупностью геологических, экономико-правовых и дюжины других характеристик американской экономической модели, которая и обеспечила достижение этого результата. Очевидно, какое-то количество сланцевого газа наш сосед добывать все же будет, как верно и то, что украинцы пытаются разными путями и способами уйти от монопольных поставок дорогого российского газа.

Сланцевый газ – лишь один из способов это сделать. Такой же вклад в снижение зависимости от поставок российского газа будут вносить успехи Украины в замещении газа углем на электростанциях (с помощью китайских связанных кредитов), развитии ядерной энергетики, повышении энергоэффективности, освоении своих собственных месторождений газа на суше и на шельфе Азовского и Черного морей и пр.

Но «сланцевая революция» в глобальном контексте – это закономерный элемент эволюции энергетических рынков. Революционные разработки ученых делают рентабельным производство и добычу новых, ранее неперспективных, энергоресурсов. Сегодня это сланцы: сначала сланцевый газ, потом сланцевая нефть. Завтра, например, газогидраты. Или углеводороды глубоководной Арктики. И так далее. Что означает, что ресурсная база традиционной энергетики будет постоянно расширяться и ресурсный голод в этом смысле человечеству не грозит.

ФОТО REUTERS